

Н. А. ТРОИЦКИЙ

Революция закончилась*

<Фрагмент>

Именно Наполеон предложил назвать новых правителей Французской республики консулами (вместо скомпрометированных «директоров»), заимствуя этот термин из любимой им античной истории. Пока не была принята новая конституция, все три консула считались временными и равными. Председательствовали они на своих заседаниях, чередуясь, по алфавиту. Такой порядок был принят тоже по предложению Наполеона. Вначале не было и намека на чью-либо диктатуру — военную тем более. Наполеон даже сменил свой генеральский мундир на гражданский сюртук, о чем не преминули оповестить граждан республики все газеты. Его стали называть «гражданин Бонапарт». Внешне он вел себя скромно и выделялся среди консулов только мощью интеллекта, воли, характера, но выделился так быстро и сильно, что после первого же заседания консул Сьейес сказал консулу Роже Дюко: «Вот у нас есть и господин! Бонапарт все знает, все хочет и все может»^{1*}.

В мировой (особенно советской) историографии было весьма ходовым мнение о том, что Наполеон сразу, буквально с вечера 19 брюмера 1799 г. «превратился на 15 лет в ничем не ограниченного повелителя французского народа. То обстоятельство, что первые пять лет этого периода он называл себя первым консулом, а последние десять лет — императором и что соответственно Франция сначала называлась республикой, а потом империей, ничего по сути дела не меняло <...> в природе военной диктатуры Наполеона»^{2*}. Факты, однако, не подтверждают столь категоричного вывода. Напротив, если Наполеон и «конфисковал в свою пользу республику» (по меткому выражению А. Олара)^{3*}, сделал он это отнюдь не сразу. Совокупность самых значимых фактов заставляет нас согласиться с Альбером Сорелем в том, что «Бонапарт забирал власть мало-помалу»^{4*}.

---

* Данный фрагмент представляет собой часть книги Н. А. Троицкого «Наполеон Великий», готовящейся к публикации.

Первые полтора месяца консульства во Франции ушли на разработку новой (уже четвертой с 1791 г.) конституции. Проекты ее готовили искушенные в таких делах специалисты — бывшие депутаты Совета Пятисот Клод-Франсуа Дону и Буле де ла Мерт, граф и профессор-экономист Пьер Луи Редерер, но главным образом Сьейес. На заседаниях специальной комиссии, которая занялась обсуждением этих проектов, Наполеон вел себя активно, но демократично, как первый среди равных: одни проекты он поддержал, другие оспорил и только один из них высмеял. Странную, на первый взгляд, идею «расщепления» законодательной власти на четыре коллегиальных органа (Государственный совет, Сенат, Трибунал и Законодательное жюри) Наполеон поддержал, но высказался за то, чтобы восстановить всеобщее (для мужчин с 21 года) избирательное право. Оно было даровано французам по Конституции 1793 г., но Конституция 1795 г. предоставила право голоса только собственникам. Что касается исполнительной власти, то Сьейес предлагал создать орган из трех *равноправных* членов. Наполеон выступил против, сославшись на то, что члены Директории были равноправными, но «ничего не сделали кроме того, что съели друг друга». Решено было записать в конституции, что первый консул наделяется правом решающего голоса, а два других — совещательного.

Когда же комиссия начала обсуждать идею Сьейеса относительно «Великого электора», Наполеон дал волю своему сарказму. Дело в том, что «Великий электор» (Grand electeur) должен был, по этой идее, стать первым лицом в государстве, а именно назначать консулов и через их посредство править страной. В качестве его резиденции предполагался Версальский дворец. Его оклад составил бы пять миллионов франков в год. Он жил бы в роскоши с монаршими почестями и лишь подписывал бы плоды творчества консулов. Услышав все это, Наполеон буквально расхохотался. «Ваш Великий электор, — заявил он Сьейесу, — напоминает свинью, поставленную на откорм. Кто рискнет играть такую смешную роль?»^{5*}. Веселый смех Наполеона поддержали все члены комиссии, — разумеется, кроме Сьейеса...

Новая, четвертая конституция Франции была опубликована 24 декабря 1799 г. и представлена на утверждение гражданам республики путем всенародного голосования, плебисцита. Итоги голосования впечатляли: «за» — 3 011 007, «против» — 1 562^{6*}.

Конституция VIII года (так она называлась — с точкой отсчета на 1792 г.) состояла всего из 95 статей, тогда как в предыдущей конституции их было почти вчетверо больше, 377. По воспоминаниям П. Л. Редерера, Наполеон заранее объявил (может быть, пошутил?): «Конституция должна быть краткой и неясной»^{7*}. В готовом тексте Конституции 1799 г. первое из этих двух условий было соблюдено абсолютно, но и второе — заметно. «Неясность» сквозила более всего

в «расщеплении» законодательных функций. Они были поделены между четырьмя коллегиями: Государственный совет готовил законопроекты, Трибунат их обсуждал (будучи вправе высказывать свое мнение, но без права отвергать какой-либо проект), далее Законодательный корпус их одобрял или отвергал, а Сенат проверял конституционность принятых законов^{8*}. Все, вроде бы, демократично, но не вполне ясно, поскольку полномочия каждой коллегии не были прописаны с должной конкретностью и в них сохранялись лазейки для вмешательства верхов исполнительной власти.

Три консула и, главным образом, первый из них активно воздействовали на выборы законодательных органов. Выборы, хотя и считались всеобщими, оказались трехступенчатыми: в каждом избирательном округе составлялись «списки доверенных», т. е. 1/10 части граждан, общее число которых по всей стране едва достигало 600 тыс.; из них выделялась десятая часть особо доверенных, 60 тыс. избирателей, а из этих последних составлялся «третий список» граждан, уже подлежащих избранию^{9*}.

Используя такую систему, консулы подбирали надлежащий состав каждой из четырех законодательных палат. Наполеон предпочтительно контролировал выборы Государственного совета, в котором он сам, как правило, председательствовал. Стендаль не напрасно шутил, что «Наполеон собрал в своем Государственном совете 50 наименее глупых французов». Среди них были П. Л. Редерер, генералы Г. М. Э. Брюн и О. Ф. Мармон, прокурор революции граф П.-Ф. Реаль, ученый академик (химик) и будущий министр внутренних дел Ж.-А. Шапталъ, будущий герцог и министр иностранных дел Ж. Б. Шампаньи. А вот состав Сената комплектовал преимущественно Съейес: именно он (правда, с помощью Роже Дюко, а главное, по согласованию с Наполеоном) подобрал 29 первых сенаторов, которые, в свою очередь, выбрали еще 29. Здесь оказалось еще больше знакомых лиц, чем в Государственном совете: ученые-академики П. С. Лаплас, Г. Монж, К. Л. Бертолле, Ж. Л. Лагранж, просветитель и ориенталист К. Ф. Вольней, генералы Ф. Э. К. Келлерман и Ж. М. Ф. Серрюрье, адмирал Л. А. Бугенвиль. Законодательный корпус украшали имена европейски знаменитого аббата-республиканца А. Грегуара и «первого гренадера Франции» (как его тогда называли) Т. М. Латура д'Оверня. Даже в Трибунале, который, по язвительному замечанию Стендаля, «имел право говорить, но не голосовать»^{10*}, заседали, среди прочих, авторитетный политик и литератор Б. Констан, экономист Ж. Б. Сэй, поэт и драматург, будущий (с 1803 г.) академик Мари Жозеф Шенье.

Верховную исполнительную власть по Конституции 1799 г. делили три консула — делили очень неравно. Фактически всей полнотой власти в республике был наделен первый консул, а два других получали

только право совещательного голоса, причем в самом тексте конституции (39-я статья) было записано, что первым консулом на 10 лет (!) назначается гражданин Бонапарт, а вторым и третьим — граждане Камбасерес и Лебрен.

Первый консул сам подобрал второго и третьего. Жан-Жак-Режи Камбасерес (1853–1824) был первоклассным законоведом. Наполеон так говорил о нем в 1812 г. одному из самых близких своих соратников, бывшему послу в Петербурге и будущему министру иностранных дел А. О. Л. Коленкуру: «Это — человек, всегда дающий дельные советы, и выдающийся юрист <...>. Светлый и справедливый ум <...>. Один из людей, наиболее заслуживающих уважения»^{11*}. Герцогиня Л. д'Абрантес (жена генерала А. Жюно) вспоминала о Камбасересе: «Благороден, прямодушен, и чрезвычайно благосклонен в обращении; за то все любили его»^{12*}. В прошлом якобинец, член и даже президент революционного Конвента, голосовавший за казнь Людовика XVI (т. е., в глазах роялистов, «цареубийца»), Камбасерес был по складу характера добросердечен, «очень заботился о своей внешности, носил вычурный парик с локонами в три ряда, пользовался лорнетом, двигался медленно и с достоинством и держал великолепный стол. Он говаривал: “Страна управляется хорошими зваными обедами”»^{13*}.

Поскольку Камбасерес политически был левым, Наполеон, чтобы уравновесить его, стал подыскивать на должность третьего консула кого-то из правых и прямо сказал об этом Камбасересу: «Давайте сговоримся относительно третьего консула. Нам нужен человек, который, не будучи совершенно чуждым революции, поддерживал бы сношения с остатками прежнего общества и мог бы успокоить их насчет будущего»^{14*}.

Результатом такого «сговора» стала кандидатура Лебрена. Шарль Франсуа Лебрен (1739–1824) считался роялистом, хотя и пассивным. Он еще при Людовике XV служил в министерстве финансов, а затем удалился от государственных дел, чтобы заняться переводами Гомера. Наполеон навел о нем справки, познакомился с ним и, по выражению В. Кронина, «открыл в нем финансового волшебника»; «он часто посещал Лебрена по вечерам после работы, садился к нему на кровать (Лебрен был вдовцом) и знакомился с тайнами учетных ставок, облигаций и государственного долга»^{15*}. Так гражданин Бонапарт стал сотрудничать и с левыми, и с правыми, а своему государственному секретарю Г. Б. Маре сказал: «Один охраняет меня слева, другой — справа. Я открываю широкую дорогу, по которой могут идти к своей цели все»^{16*}.

Законодательная инициатива по Конституции 1799 г. принадлежала первому консулу. Это при нем состоял Государственный совет, специально назначенный для того, чтобы готовить законопроекты. «Так как первый консул почти всегда председательствовал на заседаниях Государственного совета, — вспоминал член Совета граф А. де Планси, — этот факт давал не-

которым повод считать, что это раболепный орган, во всем повинующийся ему. Могу лично подтвердить противоположное. Самые просвещенные люди Франции, специалисты, которые входили в его состав, обсуждали все возникавшие там вопросы совершенно свободно, и никто никогда не прерывал их дискуссий. Бонапарт всегда внимательно их слушал и старался извлечь для себя максимальную выгоду из их знаний, не обращая никакого внимания на их политические пристрастия»^{17*}.

Первый консул мог обратиться к одному из членов Совета: «Ну, вы, якобинец, изложите нам свои мысли», и затем — к другому: «А ну-ка, вы, роялист, не соизволите ли растолковать, что вы имеете в виду?». Если кто-нибудь ему просто поддакивал, он сердился: «Вы здесь, граждане, не для того, чтобы соглашаться с моим мнением, а для того, чтобы высказывать свое. Потом я сравню его с моим и погляжу, какое лучше»^{18*}.

Заседания Государственного совета иной раз затягивались с вечера до утра и обрастали легендами. Так, иные советники и министры, которых первый консул регулярно приглашал для консультаций в Совет, физически не выдерживали чудовищной нагрузки и от изнеможения роняли головы на стол. Наполеон весело подбадривал их: «Граждане! Очнитесь: ведь только два часа утра! Надо отрабатывать деньги, которые платит нам французский народ!»^{19*}.

Впрочем, А. Кастело, ссылаясь на воспоминания очевидцев, предал гласности и такой факт (если не легенду): проработав ночь напролет, первый консул тоже мог заснуть в разгар заседания Совета. То был «сон командующего на посту». Увидев это, все советники (надо полагать, с большим удовольствием) «бесшумно выходили из зала»...^{20*}

Согласно Конституции 1799 г., механизм выработки законов был запрограммирован следующим образом: Государственный совет, обычно под председательством первого консула*, готовил законопроект; первый консул вносил его для обсуждения в Трибунат, а далее законопроект утверждал Законодательный корпус и подтверждал Сенат. При этом Сенат был вправе утвердить мнение первого консула даже вопреки Трибунату и Законодательному корпусу. Российский историк Н. А. Полевой недоумевал по этому поводу: «Что же значил Сенат, куда назначал членов первый консул, и что значили Трибунат и Корпус, если Сенат отвергал их несогласие?»^{21*}. Позднее А. Олар так оценил принятие Конституции 1799 г.: «Это был опять государственный переворот, причем несравненно более важный, чем переворот 18–19 брюмера, потому что прямым его последствием была единоличная власть»^{22*}.

Здесь Олар явно преувеличивал, а Полевой даже несколько утрировал истинную суть дела. Все-таки четыре законодательные коллегии,

---

* Председательствовал в Государственном совете (даже в присутствии Наполеона) и второй консул — Ж. Ж. Камбасерес.

вместе взятые, частично ограничивали прерогативы первого консула. Например, объявить войну, заключить мирный договор, принять бюджет, осуществить денежную эмиссию, он мог только с санкции законодателей^{23*}, а среди них в то время были и его идейные оппоненты, — как слева, так и справа. Между тем, репутация Наполеона во Франции после 18–19 брюмера была столь высока, что он вполне мог, при желании, уже тогда обеспечить себе неограниченно-властные полномочия. Не напрасно он говорил: «Когда я пришел в правительство, нация бросилась к моим ногам. Я взял себе меньше власти, чем мне предлагали»^{24*}.

Разумеется, и первый консул по Конституции 1799 г. был почти всесилен. О втором и третьем консулах тогда говорили, что они — всего лишь «две ручки его кресла». Именно он назначал министров, а фактически, хотя и по согласованию с министрами, также префектов, супрефектов, мэров, судей, не обращая внимания на их происхождение и любые оттенки политических настроений. «Я беру, — говорил он, — всех, у кого есть способность и желание идти со мной <...>. Люблю честных людей всех оттенков <...>»^{25*}. А. З. Манфред так комментировал подход Наполеона к подбору должностных кадров: «Он проявлял своего рода жадность к талантам, он их разыскивал, у него был на них зоркий глаз <...>. В Англии XIX века о некоторых кабинетах — о министерстве Эбердина или Гладстона — наполовину иронически, наполовину всерьез принято было говорить: “министерство всех талантов”. Если это выражение имело какой-либо смысл, то с наибольшим основанием оно могло быть применено к руководящему штабу консульства и частично империи, к окружению Бонапарта»^{26*}.

<...>

Здесь уместно сказать о принципиальной разнице в подходах Наполеона и Александра I к использованию правительственных кадров. Если Наполеон сохранял при деле умных министров, вроде Талейрана и Фуше, даже если не доверял им, то Александр самого умного из своих министров М. М. Сперанского (единственного министра, который был умнее самого царя) устранил, как только лишился доверия к нему, и больше не допускал к министерским постам умных чиновников, предпочитая угодливых. В Тильзите Александр не без удивления слушал рассказы Наполеона о том, как тот использовал своих соратников, «предпочитая не обращать внимания на их недостатки, чем отказываться извлекать пользу из их достоинств, лучше объездить их, чем сокрушить»...^{27*}

<...>

С самого начала в качестве первого консула Наполеон приступил к реформированию местных органов власти, не всегда считаясь с Конституцией 1799 г. из-за ее (заданной им самим) «краткости» и «неясности». Он, во-первых, использовал свое конституционное право упразднить *выборность* местных властей, а затем взял под контроль их

назначение: в департаментах — префектов, ниже, в округах — супрефектов, в отдельных городах и коммунах (деревнях) — мэров. Формально, по Конституции, всех этих местных правителей назначал министр внутренних дел, но практически он делал это только по согласованию и с одобрения первого консула. Наполеон при этом следил, чтобы все кандидаты (особенно, в префекты) соответствовали таким критериям, как профессионализм, опыт и распорядительность, независимо от их политических воззрений. В итоге, первый после 18 брюмера состав префектов насчитывал 98 политически разнородных персон от «бывших аристократов» до «бывших террористов», включая 15 членов Учредительного и 16 — Законодательного собраний 1789–1792 гг., 19 членов Конвента, 5 — Совета Старейшин и 21 — Совета Пятисот^{28*}.

Каждый из префектов единолично и полновластно управлял департаментом. Наполеон полушутя-полувсерьез говорил о них: «Как только они оказываются в 100 лье (один лье = 4,4 км. — *Н. Т.*) от столицы, они обретают большую власть, чем я»^{29*}.

С той же профессиональной тщательностью и вне зависимости от «идеологии» подбирались кадры супрефектов (всего — 402, по числу округов) и мэров. Среди них тоже оказывались политики разной окраски — и ретрограды, и консерваторы, и революционеры, как, например, Жан Батист Друэ (1763–1824), тот самый, кто 21 июня 1791 г. задержал в местечке Варенн короля Людовика XVI, пытавшегося бежать из Франции, а затем участвовал в т. н. «Заговоре равных» вместе с Г. Бабефом и лишь чудом избежал гильотины^{30*}.

Что касается судей, то, согласно Конституции 1799 г., мировые судьи, составлявшие нижнее звено судебной системы, *избирались* на три года, но всех остальных судей для гражданских, уголовных и кассационных инстанций *назначал* первый консул. Он же назначил генеральным прокурором Мерлина Дуэ, который, хотя и снискал себе прозвище «Поступь гиены», обладал, по мнению Ж. Тюлара, «исключительными познаниями в юриспруденции»^{31*}. К судебным чинам Наполеон предъявлял те же требования, что и ко всем прочим. Когда к нему на прием впервые явились только что назначенные судьи, он обратился к ним с таким напутствием: «Никогда не рассматривайте, к какой партии принадлежал человек, который ищет у вас правосудия»^{32*}. В целом, по Конституции 1799 г., судебная власть обретала не столько независимость, сколько подобие независимости от исполнительной и законодательной власти.

Итак, 18–19 брюмера в результате *coup d'état* победил, а спустя всего полтора месяца был конституирован во Франции новый режим, о природе которого до сих пор не кончаются споры историков, политологов, литераторов. Марк Алданов выразился с присущей ему живописностью: «Первому консулу достался в наследство от Директории большой

публичный дом. Бонапарт медленно и верно перестраивает его в казарму»^{33*}. Да, военный элемент во властных структурах консульства был заметен: сам Наполеон — генерал, даже послы Франции в различных странах — генералы: Ж. Ланн в Португалии, Ж. Э. Ж. Макдональд в Дании, Г. М. Э. Брюн в Турции, А. Ф. Андреосси в Англии. Но все-таки надо признать, что этот военный элемент был невелик: среди сотен депутатов законодательных палат генералы составляли лишь единицы. Из всех министров консульства и империи только военный был генералом и морской адмиралом. Как тут не вспомнить, для сравнения, что в России при Николае I не только военное и морское ведомства, но и министерства внутренних дел, финансов, путей сообщения, почтовый департамент возглавляли генералы, а министерство просвещения — адмирал (А. С. Шишков); даже во главе церкви, на пост обер-прокурора Святейшего Синода, был назначен гусарский полковник, лихой наездник Н. А. Протасов, который по-военному распоряжался церковными делами и дослужился на этом поприще до генерала.

Повторю: военный элемент в государственной системе консульства был налицо, но, кроме того, что он был невелик, в тех, характерных для Франции к 1799 г., условиях революционного хаоса оказался полезным. Если и напоминала Франция после 18 брюмера казарму, то весьма благоустроенную. В кратчайший срок Наполеон упорядочил и, как нельзя более для того времени, упрочил режим власти и защиты гражданских прав населения. «Каждому была ясна необходимость твердой власти — такая твердая власть была создана,— писал о том времени Стендаль.— <...> Правительство Наполеона одинаково охраняло всех тех, кто повиновался законам, и беспощадно карало всех тех, кто дерзал их нарушать»^{34*}.

Отчасти уже тогда просматривалась в полномочиях первого консула военная диктатура, но только отчасти. Автор специальной монографии «Наполеон и власть» Д. М. Туган-Барановский, полагающий, что переворот 18 брюмера привел именно «к установлению военной диктатуры», признает главное: режим Наполеона «способствовал закреплению решающих завоеваний революции в социально-экономической области»^{35*}. Действительно, Конституция 1799 г. закрепляла все основные завоевания революции: гражданское равенство всех французов, отмену сословий, феодальных привилегий и повинностей, буржуазное право собственности с наделением крестьян землей, свободу предпринимательства.

Сам Наполеон имел все основания заявить 15 декабря 1799 г., на следующий же день, после того как была принята ЕГО Конституция, в своем обращении к нации: «Революция оформилась в тех принципах, которые она провозгласила. *Революция закончилась*»^{36*}. А вот с выводом авторитетного французского историка Жака Годшо о том,

что 18 брюмера привело к удушению демократии и что «французский народ в первые два года консульства ничего из себя не представлял, а в дальнейшем он значил столь же мало»^{37*}, — с таким выводом согласиться трудно.

Вся совокупность разнообразных источников свидетельствует о стремлении Наполеона с первых же его шагов как политического лидера нации и противника партийной разделенности сплотить вокруг себя большинство французов под *национальным* знаменем. Его кредо звучало столь же призывно, сколь и бескомпромиссно: «Ни красных колпаков, ни красных каблуков!»*.

Примечания

^{1*} *Трачевский А. С.* Наполеон I. Первые шаги и Консульство (1769–1804). М., 1907. С. 179.

^{2*} *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1992. С. 99–100; История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 2. С. 116.

^{3*} *Олар А.* Политическая история Французской революции. М., 1938. С. 834.

^{4*} *Сорель А.* Европа и Французская революция. СПб., 1906. Т. 6. С. 2.

^{5*} *Rœderer P.-L.* Œuvres publiées par son fils le baron A.-M. Rœderer. P., 1854. Т. 3. P. 303–304.

^{6*} См.: *Тарле Е. В.* Цит. соч. С. 103 и др.; *Тюлар Ж.* Наполеон, или миф о «Спасителе». М., 1996. С. 99. Французский историк К. Ланглуа и российский — Д. М. Туган-Барановский считают, что официальные итоги плебисцита были фальсифицированы (см.: *Туган-Барановский Д. М.* Наполеон и власть. Эпоха консульства. Балашов, 1993. С. 276), но едва ли такая фальсификация искажала истинное соотношение «за» и «против» сколько-нибудь серьезно.

^{7*} *Rœderer P.-L.* Op. cit. Т. 3. P. 428.

^{8*} См.: *Constitutions et documents politiques* par M. Diverger. P., 1960. P. 72–73.

^{9*} *Ibid.* P. 70–71.

^{10*} *Стендаль.* Собр. соч. М.; Л., 1950. Т. 14. С. 33. В 1807 г. Наполеон, уже будучи императором, вообще упразднит Трибунат за ненадобностью.

^{11*} *Коленкур А.* Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 328–329.

^{12*} *Д'Абрантес Л.* Записки герцогини д'Абрантес или исторические воспоминания... М., 1835. Т. 1. С. 102; Т. 9. С. 216.

^{13*} *Кронин В.* Наполеон. Биография. М., 2008. С. 214–215.

^{14*} Цит. по: *Вандаль А.* Возвышение Бонапарта. Ростов н/Д., 1995. С. 496.

^{15*} *Кронин В.* Цит. соч. С. 215.

^{16*} Цит. по: *Собуль А.* Первая республика. 1792–1804. М., 1974. С. 321.

^{17*} Цит. по: *Кастело А.* Бонапарт. М., 2004. С. 408.

---

* Красный колпак был символом якобинцев, красные каблуки — принадлежностью туалета аристократов, роялистов.

- 18* *Людвиг Э. Наполеон*. М., 1998. С. 155.
- 19* Там же; *Кастело А.* Цит. соч. С. 408–409.
- 20* *Кастело А.* Цит. соч. С. 409.
- 21* *Полевой Н.А.* История Наполеона. СПб., 1844. Т. 2. С. 53.
- 22* История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М., 1905. Т. 1. С. 5 (автор главы — А. Олар).
- 23* См.: *Constitutions et documents politiques*. Р. 73.
- 24* Цит. по: *Вейдер Б.* Наполеон. Триумф, трагедия, убийство. М., 2005. С. 61.
- 25* *Thibaudeau А.-С.* Mémoires. Р., 1893. Т. 1. Р. 115.
- 26* Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. 4 изд. М., 1986. С. 359–360.
- 27* Цит. по: *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время первой империи. СПб., 1910. Т. 1. С. 84.
- 28* *Godechot J.* Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. Р., 1951. Р. 509–510.
- 29* Цит. по: *Вейдер Б.* Наполеон. С. 63.
- 30* *Godechot J.* Op. cit. Р. 515.
- 31* *Тюлар Ж.* Указ. соч. С. 104.
- 32* *Тарле Е.В.* Цит. соч. С. 109.
- 33* *Алданов М.А.* Цит. соч. С. 27.
- 34* *Стендаль.* Собр. соч. Т. 14. С. 31. Непонятно, почему здесь же (С. 29) Стендаль заявил, будто «генерал Бонапарт был чрезвычайно невежественен в искусстве управления».
- 35* *Туган-Барановский Д.М.* Цит. соч. С. 252, 256–257.
- 36* *Correspondance de Napoléon*. Р., 1861. Т. 6. № 4422. Р. 32.
- 37* *Godechot J.* Op. cit. Р. 488.

